

«ВСЕ РАВНО НЕ НАПЕЧАТАЮТ, —

грустно вздохнул Олег Бесилашвили. —

Кому сейчас интересны разговоры об искусстве?»

Может, и вправду кому-то неинтересны! Только не нам. И потому свой первый вопрос я адресую не народному депутату России, не общественному деятелю, а известному артисту, чей талант почитаем не только в Санкт-Петербурге:

— Какова сейчас ситуация в Большом драматическом!

— Непростая, хотя мы стараемся сохранять в репертуаре спектакли Товстоногова, не изменять его принципам в новых работах. Кредо Георгия Александровича — вечный поиск. Он никогда не приступал к репетициям с желанием создать шедевр, часто рисковал, не боясь провалов. Работал как одержимый и нас к этому приучил. Помню времена — премьеры, шумный успех. Кажется, можно передохнуть месяц-другой, а главный назавтра назначает читку новой пьесы.

Сейчас мы все чаще приглашаем режиссеров со стороны, и лучше всех «прижился» Темур Чхеидзе. Он поставил «Коварство и любовь» Шиллера и «Салемские колдуньи» Миллера, задумал перенести на сцену «Петербург» Андрея Белого, работает над «Любовью под вязами» О'Нила. Но переезжать в наш город Темур не собирается — слишком привязан к своей родной Грузии.

Уход из жизни Товстоногова — не заживающая для всех нас рана. Мы стремимся сделать все от нас зависящее, чтобы не разрушить атмосферу, которую создал Георгий Александрович. В труппе, слава Богу, нет склок, интриг, мы не разбились на группировки. На фоне сумасшедше скачущих цен удерживаем прежнюю стоимость билетов — искусство должно быть доступным, это кредо нашего Мастера.

— В наше сложное, трудное время вы живете или выживаете!

— Пока не протер последние штаны и не порвал последние ботинки — живу, конечно! Но, если честно, — нелегко.

— Вы выходите на сцену — и что! Развлекаете зрителя, отвлекаете его или увлекаете!

— Все зависит от пьесы, от конкретной роли. И от событий, которые происходят сегодня, сейчас, сию минуту. «Кафедра» Врублевской — не самое совершенное произведение. Но пусть люди посмеются над тем, как Бесилашвили — вместе с залом — развенчивает наглого демагога Брызгалова.

В «Салемских колдуньях» меня занимает проблема властолюбия. Я пришел к выводу, что безудержное стремление к власти обусловлено комплексом неполноценности человека. Зал ненавидит моего Дэнфорта, который готов отправить на виселицу невинного, лишь бы удовлетворить собственное тщеславие и самому себе доказать свое могущество. А движет им неосознанная ущербность, ощущение бессилия: как бы ни старался Дэнфорт, он не может отметить правду, потому что она — ПРАВДА.

«Дядю Ваню» мы поставили в году 84-м. Тогда, отвечая на вопрос, кто виноват в сломанных судьбах обитателей усадьбы Войницких, театр утверждал:

система. И зал соглашался, сострадал дяде Ване, презирал Серебрякова. Сейчас спектакль — независимо от актеров — воспринимается и играется по-другому. И участники, и зрители осознали: дело не только в системе. Сам человек виноват во всем, что происходит с ним и вокруг него. Кто мешал дяде Ване уехать в город, учиться, стать, как он мечтал, ученым? Только он сам. И выстрел в Серебрякова ничего не изменит, и бунт Войницкого обречен на поражение. «Ты будешь аккуратно получать то же, что получал и раньше. Все будет по-старому» — эти слова дяди Вани, обращенные к Серебрякову, так звучат сегодня! Ничего не меняется, все остается по-прежнему только потому, что мы сами создаем систему, которая губит людей, их возможности и способности. Губит жизнь.

Я не скрываю: мне нравится увлекать зал, привлекать его на свою сторону, делать зрителя своим союзником. Голько, к сожалению, новых ролей мало.

— А в кино!

— Я с наслаждением работал в «Небесах обетованных», сейчас снимаюсь в занятном «полицейском детективе» «Билет в Красный театр», играю полковника милиции, равностного служaku, который случайно сунул нос не в свое дело, задев госбезопасность, и поплатился за это жизнью.

Вообще-то я получаю немало предложений, которые сулят большие, по нашим нищенским понятиям, деньги. Отказываюсь. «Братцы, — говорю, — вы

ошиблись адресом, я черные деньги отмывать не буду». Для непосвященных поясню. Некоторые дельцы от кинематографа (и не только от него) переводят за границу большие суммы по безналичным счетам, потом возвращают, допустим, одну десятую — уже живыми деньгами, и на них снимают картину. Факт ее появления на экране никого не интересует, да и художественный уровень никого не волнует. Зачем мне такое?

— В вас заговорили гордые грузинские гены...

— Да какие там гены! Я родился в России, воспитан на русской литературе, русских традициях, в семье все, кроме отца, были русскими. Мне близки русская природа, живопись, театр. Но грузинская кровь течет в моих жилах, и я очень люблю Грузию, вот языка не знаю, к сожалению.

То, что недавно происходило в Грузии, где у меня много родных и друзей, не укладывается в голове: поднять руку на женщину — не в традициях грузинского рыцарства. Пойти с оружием друг против друга — невероятно!

— Говорят, мы повторяемся в наших детях. Какими бы вы хотели видеть своих дочерей!

— Порядочными. Честными. Но главное — хочу, чтобы когда меня не будет на этом свете, им не пришлось краснеть за своего отца. Признаюсь честно, я не всегда бываю на высоте, но все же отличаю, что хорошо, что плохо. И преодолевая лень, страх, понимая неизбежность конфликта, заставляю себя делать то, что, по моим понятиям, должен делать порядочный человек.

— И дома вас поддерживают!

— В общем да. Иногда возникают трения из-за нашего идиотского быта. Депутатские вериги, которые я и мои товарищи надели на себя, предполагают ряд обязательств и обязанностей морального свойства. Ну, например, звонят из магазина: приходите, мы вам мяса кусок отложили. А там очередь

стоит, с пяти утра записываются! Не могу я пойти с черного хода, хоть убейте! Жена просит — а я не могу. Вот вам и повод для конфликта.

— Знаете, я могу понять вашу жену...

— И я понимаю, но пойти не могу. Другой выход нужен. Не мясо по талонам продавать, а реформы поскорей осуществлять. И либо мы взобьем масло и выберемся, как та лягушка из старой притчи, либо утонем в полупроцентном молоке.

— Большая часть вашей жизни прошла — и довольно благополучно — в застойные времена. Многие, вспоминая те годы, говорят: хотим назад. А вы!

— Не хочу обратно в клетку, пусть и красивую. Хотел бы только одного — быть значительно моложе, чтобы успеть застать те перемены (я верю — они будут!), которые увидят когда-то сегодняшние юнцы.

— Что вы больше всего цените в людях!

— Искренность и верность.

— А не приемлете!

— Знаете, есть взрослые взрослые и взрослые дети. Не люблю первых, преклоняюсь перед вторыми. Академик Сахаров, по-моему, до конца своих дней оставался большим ребенком. Отец водородной бомбы мог жить припеваючи, ползевая на все и всех. А его совесть заела! Дон Кихот? Да, конечно. Но именно за ними — будущее, именно они в конце концов побеждают.

— Кто из ваших коллег вызывает у вас восхищение!

— Я начисто лишен чувства актерского тщеславия и счастлив, когда партнеры «держат планку».

— И у вас есть образцы для подражания!

— Разумеется! Рамаз Чхиквадзе — артист, до мастерства которого мне никогда не подыграть. Гениальный Иннокентий Смоктуновский — страшно жаль, что после ухода от Товстоногова он не нашел равного своему таланту режиссера. Да я многих могу назвать — Евгений Леонов, покойный Георгий Бурков. Я любовался ими и по-хорошему завидовал их таланту.

— Кто вам близок из западных звезд!

— А Бог их знает. Я считаю — наши лучше. Пожалуй, назову Дастина Хоффмана и Роберто Де Ниро. У Хоффмана все продумано, выверено, а то, что делает Де Ниро, не поддается здравому смыслу, — как в фильме «Наркоман», например. Вот Джека Николсона не люблю — везде и всюду одинаков.

— Ваши оценки не совпадают с общепринятыми...

— И прекрасной! Когда меня тянули в партию (я так и не вступил), то к ужасу райкомовских боссов я сказал, что не согласен с уставом, что возражаю против принципа демократического централизма, по которому меньшинство обязано подчиниться большинству — это меня не устраивает, и подавать заявление о приеме «в ряды» не буду. И еще сказал, что у артиста, как у каждого художника, должна быть своя позиция. Пусть ошибочная, но личная.

Прошло много лет, но этому принципу я не изменял — ни в большом, ни в малом.

Беседу вела
Елена ЗОНИНА.